

«Где смиренность, любовь и печаль»...

*О книге Василия Киякова «От истока к устью»
(Воронеж, 2021)*

Стихотворения заветно полны любви к родной земле и ко Господу нашему! Это классика современной поэзии. Есенин там, предполагаю, в восторге!

Сергей Пылев

Стихи Василия Киякова стали откровением для меня в 2021 году. Опубликовав подборку в журнале «Берега» (http://dovydenko.ru/images/berega_pdf/Berega_3_45_2021.pdf), а затем получив сборник из рук самого автора, открыла самодостаточный поэтический космос, обретя нечаянную радость, чувство плотности и надёжности внутреннего мира русского православного человека.

Зная, что Василий Кияков – крепкий, талантливый, оригинальный прозаик и объективный критик, с теплом в душе увидела, что как поэт он обладает своим голосом и лирической интонацией, в которой трагические волны бытия обретают мощь симфонии. Вступительное слово к поэтическому сборнику написала вдумчивая Римма Лютая, определившая его как «лирическую стихию милосердной, внутренне чистой и доброй личности».

«По дороге неторной, ковыльной»

Исток жизненной реки лирического героя Василия Киякова – это светлая Русь и извилистый путь, – как без него, без движения, – путь неторный, ковыльный, а взгляд – чаще в небо, чем в землю, на отдалённые звёзды, на дальнее светило – луну, в «миры иных полей», чей холодный свет рождает желание прижаться к родной, тёплой почве, как к матери.

Куда направлен «коней торопливых очарованный бег»? А полёт вольных журавлей? А куда мчит «фордик меж полей»? Нет ответа, никто не догонит, потому что не знаем, куда идём. Нам хочется пристальнее всмотреться в жизнь наших предков, наших мам и не обнаружить там нынешней окаянности, а лишь святость:

Утром она, как святая,
Последним – голубок кормит.

Память подгоняет другие картины из прошлого, дарующего силы природы с избытком. Вот семья лосей переплывает Оку:

Потом на берег перевозданный
Все выбрались –
И затрубил
Сохатый дико и гортанно
В избытке грозных, дерзких сил.

И вся Россия предстаёт океаном сюжетов и тем, глубинных, величавых, священных:

И такое волнение, братцы,
Словно в небо нырнул головой, а до дна,
Ну, никак не добраться.

Вдруг, случайно встреченный человек видится родным:

Рукою доброй человека
Взял русский человек.

И это нормально, по-божески, душевно, вольно, широко.

И как овец печальный пастырь,
Пасёт три тучки небосвод,

под которым протекает «жизнь-веснянка в васильковом платице». «Млечный Путь пылит...», не от его ли пыли вдруг возникает желание странствий, неудовлетворённость существующим положением:

Уеду вдаль, уеду навсегда...
И вновь пойму, что я люблю Россию,
В которой счастье жить и умереть.

Власть земли, её неизмеримая сила удерживает, «коренная система любви / Да к земле крестьянская тяга». Вспоминается сенокос, во время которого попадается птичье гнездо: «Обойду, окошу, сберегу...»

Острое чувство пронзительной нежности ко всему живому особенно сильно в деревне, где «лежу в сенах на сеновале – и жизнь люблю», где «бойкий петух горланил, / И заря на ладонь легла», где «куры пьют из лужи / небес голубизну», где «заря костром калины / Сентябрю рубаху сушит».

Это чудо русской стихотворной речи, сладостного бытия, когда заплечный груз лёгок, как пёрышко, а ты, как река, пробивая себе путь меж холмов и лесов, отражаешь в себе небо, его иконописные краски на заре.

«Мы разные, а путь у всех один...» – говорит поэт. Это путь поиска ответов на извечные вопросы:

Под какую корявой звездой
Ты, Россия, плывёшь в непокой?
Неужель, чтоб ожить, тебя мёртвою
Сбрызнут водой –
А потом уж живую?

И вновь поэт бежит от «ожиревшей бабы Москвы», в деревню, которая «душу вылечит и разбудит, / Образ вымоет до новизны...». И вспыхнет светом «добро, что несёт она людям, / То, которому нет цены...»

Только бы хватило веры «в народ наш искренний», было бы «чувство Бога», а в неверии – гибель и «вселенский страх»!

«Неповторимое»

Что такое неповторимое? Это чувство любви, чувство остро увиденного бытия, неотвратимого, внезапно наступающего и переполняющего:

Заболеть бы непоправимо
Безответной любовью.

Снова стать гордым, нежным,
И счастливым – так ясно, так зримо.
И счастливо-безбрежно –
Непоправимо!

Это рука об руку идущая, восстановленная ненадолго действительно счастливо-безбрежная гармония, предчувствующая несбывшееся:

Я постигаю этой жизни суть –
Увидеть сердцем, как не вечно
Всё, чем так люди дорожат.

И в теснинах горней души, на путях прощения и сердечного умиления, а также осознания неслиянности с той, кто знает пределы и муки, рождается молитва:

Я украдкой молюсь за тебя...

А в «саду гремит тишина», пронзённая соловьём среди жёлтых акаций, и пылает костром боль души: «Было! Было!» – и, может быть, детская вера в Божественную доброту.

И в осмыслении целостности жизни, в осознании того, частью какого целого ты являешься, нет обид, безысходности, ощущения тупика, а есть вопросы, рождённые в напряжённом личностном пространстве поэта:

Кто же жизни выучит умных нас?
О Господи, зачем мы все не дети?
Зачем враги?
Мы все в пути...
В одном огне мы все горим...

«Дар и вечность»

Родная земля, Православная вера взрастили мудрого, мужественного и в то же время нежно и тонко чувствующего, любящего, благодарного сына, в сердце которого боль за утерянные смыслы, за погасшие источники света:

Третий Рим, проданная земля,
Толпа рассеяна, столица пьёт.
Родиной сорят... Жизнь – базар.

Его сердце в печали «за крест Христов», за потери, за «жизнь на тризне», оно жаждет «подвига и труда», совестливости, правды, нравственности... Его взгляд органичен и пристален, что даёт ощущение его не одиночества, а как одного из нас. Ведь не зря:

Пригубил я святого питья
Окаянной душой поэта.

Это значит, что Василий Киляков получил творческий дар от вечности – противостоять худым временам погони за материальными достижениями, пренебрежения святыми ценностями, что равно движению по краю над пропастью, глубину которой дано постичь лишь творческому человеку.

Органично для русского поэта вписывание в себя мироздания по имени Россия, наполненного божественным духом, путь «в Небеса, где смиренность, любовь и печаль».

Радуясь за себя и за читателя, которому повезёт встретить сборник поэзии Василия Килякова и постичь духовное ратоборство, я с любовью вчитываюсь в строчки о Божьей Матери «Спорительнице хлебов», о краюхе Господа, которой всем хватило, всматриваюсь в свет огней, в письмена голубиных перьев, вслушиваюсь в ангельское пенье, в дыхание без берегов, в тайну наших душ, потому что большая личность поэта прозревает корневое, фундаментальное, душепопное, укрепляющее, удерживающее, прорывное посреди нынешнего хаоса, рядом с которым «мир в Боге и в детях».